

Настя помнила, что в то утро шел дождь, мелкий, навязчивый и противный. Еще с вечера отец выпросил у начальника машину и объявил, что наутро они всей семьей повезут мать в больницу. Настя не замечала, чтобы мать в последнее время сильно болела. Напротив, она округлилась, расправила плечи и приобрела горделивую осанку. Правда, однажды Настя видела, как ее тошнило, но мать сказала, что поела несвежей рыбы.

Настя любила, когда отец брал на работе машину. Он возил большого начальника, и начальник был иногда снисходителен — позволял личному шоферу проехаться с шиком по родному селу. Когда удавалось, отец возил их с матерью по грибы, чаще — к родственникам или на рынок за покупками.

«Машина — это маленький домик, — думала про себя Настя. — Даже если вокруг дождь, ты сидишь в тепле и думаешь о чем-то хорошем».

Но в то утро машина вела себя странно. Она то заводилась, то глохла, то вдруг натужно начинала чихать и кашлять. Отец, накинув дождевик, бежал открывать капот и соединять какие-то провода.

Знакомый водитель, ехавший навстречу, вызвался помочь и, приоткрыв окно, Настя услышала обрывки их разговора.

Сначала они толковали про какой-то хитрый карбюратор, а напоследок знакомец поинтересовался, куда они в такую рань держат путь. На что отец ответил, что везет жену в больницу, у нее что-то «по-женски».

В тот год Насте исполнилось десять, и она в общих чертах знала, чем отличаются женщины от мужчин, но то, что женщин из-за этого самого отличия требуется лечить отдельно, «по-женски», она пока еще не догадывалась.

Больше всего в то утро Настю удивляла мать. Она сидела на заднем сиденье, держала на коленях какой-то серый узелок и все время молчала. Мать и без того была неразговорчива, а тут за всю дорогу не вымолвила ни слова.

Чтобы ее раззадорить, Настя приоткрыла окно. Дождевые капли, обволакивая стекло, стекали на сиденье, но мать, обычно строгая и нетерпимая, даже не обратила на это внимание.

Настя вдруг поймала себя на мысли, что с какой-то тайной радостью сдает мать в больницу. Во-первых, на некоторое время она освободится от ее постоянной опеки и поучений, а во-вторых, целую неделю будет жить вдвоем с отцом. Настя сама будет встречать его с работы и готовить немудреный ужин, а в следующее воскресенье они вместе поедут в цирк. И пусть все видят и завидуют, какой молодой и красивый у нее отец.

В том, что с матерью в больнице не сделают ничего плохого, Настя была совершенно уверена. Сама она относилась к медицине более чем доверительно и регулярные школьные медосмотры не доставляли ей особого неудовольствия.

«Ну что там особенного, — думала Настя. — Послушают, посмотрят, уколы поколют для верности...»

Починив машину, отец долго и подробно разъяснял им обоим суть поломки. Среди множества незнакомых слов Настя уловила одно, почти знакомое — карбюратор, и поняла, что это он чихал и кашлял и не позволял им красиво и торжественно промчаться по шоссе. В ответ на слова отца мать согласно кивала и даже пыталась что-то переспросить.

«Наверное, она всю дорогу спала», — решила Настя.

В то утро Настя запомнила не только дождь, но и то, как медленно мать шла по больничному коридору, все время оглядывалась и, видно, надеялась, что кто-то ее окликнет или остановит, но никто ее не окликнул и не остановил...

Отец привез мать издалека, бахвался перед товарищами ее образованностью и домовитостью. Мать была соседкой его дальних родственников, и будущий жених к ней долго и с интересом присматривался, но на последний шаг почему-то так и не решался.

Позже выяснилось, что мать была взята в дом из чувства обиды — поговаривали, что не поделил отец с лучшим другом одну зазнобу. Лучший друг и та зазноба не спешили узаконивать свои отношения, хотя давно жили вместе, а отец, наблюдая за ними со стороны, видно, еще на что-то надеялся. Было между ними что или нет, кто теперь догадается, но вскоре в отместку за все обиды и несбывшиеся мечты на горизонте возникла Настина мать.

Скорее всего, мать служила для отца своеобразным оправданием — мол, на чужое не смотрю, имею свое. Первый оправдательный экзамен отец выдержал достойно, а вот потом...

И вилку она держала слишком культурно, и платья не те носила, а уж как начинала говорить — и вовсе беда: слова у нее были все больше ученые, непонятные — как из газетной статьи.

Когда смотрины прошли и выбор отца все одобрили, он вдруг понял, что с нездешней умницей надо как-то жить и никто вместо него делать этого не будет. Умом отец понимал, что лучше жены ему не найти: и собой она недурна, и хозяйка неплохая, но если разум каждый раз говорил «да», то сердце отвечало «нет», и не обязаны они были между собой ладить и соглашаться.

Мать служила библиотекарем и выходила на работу чуть ли не к обеду, а отец работал шофером — вставал ни свет ни заря. На работе мать сидела за круглым столом, в неге и тепле, и аккуратно заполняла формуляры редких читателей, а отец целый день крутился как белка в колесе — хотел и на работе не оплошать, и на стороне подкалывать.

Настя понимала, что родители у нее очень разные. Но наверняка многие разности можно компенсировать молодостью и зазором, а еще участием и душевным теплом. Если, конечно, захотеть. Правда, в то время Настя не знала таких слов, но точно знала, как это здорово отправиться в выходной с родителями в городской парк, покататься на каруселях, поесть мороженого и отхлебнуть из отцовского бокала горького невкусного пива.

А под самый конец удачной прогулки надо было попросить отца и мать высоко поднять руки, уцепиться за них и раскачаться как на самодельных качелях. Хо-ро-шо!

Иногда отца заносило. Он переставал считаться с тем, что мать, прежде чем отправиться к своим книжкам, успевала переделать всю домашнюю работу. Важно было лишь то, что у нее не работа, а курорт. Мать не имела права сказать дома, что она тоже уставала от своих забот, также не приветствовалось говорить о том, что случилось за ее трудовой день замечательного и интересного.

Особенно отцу не нравилось, когда мать готовилась к библиотечным смотрам и конференциям и по этому поводу покупала себе новое платье. При этом он говорил, что все ученые — лодыри и бездельники, и в то время как он, будучи подростком, пахал колхозное поле на быках, они в холе и неге читали свои ученые книжки.

И только когда мать снаряжали книгоношей в соседние деревни для организации передвижной библиотеки, и она, навьюченная книжками, вышагивала пешком по несколько километров, он вроде как радовался: мол, пусть узнает, как другие месят грязь да на ветру целый день стоят.

При этом отец, конечно же, имел в виду свою несостоявшуюся зазнобу — подругу Зою. Зоя трудилась на рынке продащицей — торговала резиновыми сапогами. Товар был ходовой, но дешевый — прибили давал мало. Работа была тяжелая — потаскай коробки и в слякоть, и в дождь. Зое все сочувствовали, а матери — нет. Зоя в глазах многих выглядела страдальцей и труженицей, а мать — белоручкой и бездельницей.

Мать в свою очередь говорила, что образование и культура — это свет, а он, отец, к этому свету не тянется. На что последний возражал, что хотел бы посмотреть на этих светлых и культурных — где они были, когда он, мальчишкой, помогая матери, выгонял в поле бодучих и строптивых быков...

Позже Настя поняла, что ее отец не был человеком злым и уж сильно занозистым, да и, как выяснилось, сумки с книгами мать тащила на себе всего лишь один раз, да и то только потому, что ее муж в этот день не смог выпросить у начальника машину и домчать ее до деревенской избы-читальни с ветерком. Просто он, отец, как-то не вписался в эту жизнь, не

смог проскочить в нее на всех скоростях, как другие, а поэтому надо было поискать виноватых — быков, например, или книжки, или ученых.

Настя понимала, почему отец хотел в свое время присоседиться к тете Зое. Была она такой же, как он сам. Она на ветру, на морозе обувку залежалую продает, ждет не дождется, она в тепло попасть да стакан чаю испить. Он так же, ни свет ни заря у машины своей стоит, мотор разогревает. Пришли бы они вечером домой да поговорили о том, о сем, обоим им близком. Погадали, например, долго ли будут стоять морозы, посетовали, что мерзнут щеки на ветру и как, оказывается, тепло бывает на свете, когда рядом родной и близкий человек.

Да мать и сама была виновата: никогда человека не спросит, не спросит, ни о чем хорошем с ним не поговорит. А как про соперницу узнала, так и вовсе холодность ее одолела. И до этого была не сильно горячая, а тут хоть плачь.

А где, если подумать, набраться женщине мужества и сил, и оставаться спокойной и рассудительной, если подозреваешь, что постоянно сравнивают тебя с какой-то другой, и уже перестаешь понимать, где ты сама, а где та, другая?..

По поводу больницы решение принимали не сразу. Мать все тянула и откладывала, думала вторым ребенком привязать мужа к семье, тем более, если родится сын. Мать и не сомневалась, что будет сын. Оно и понятно: для мужчины дочка — не помеха, в случае чего вырастет с матерью, а сын, мальчик — другое дело: мальчишке нужен отец. Отец воспринимал возможное прибавление в семействе по принципу — и хочется, и колется. Понимал, что руки у него теперь будут связаны крепче, чем прежде, хотел этого и не хотел.

Накануне поездки в больницу родители о чем-то долго беседовали на кухне, Насте даже показалось, что они мирно воркуют. Но потом голос отца стал настойчивым и строгим. Мать пару раз даже всхлипнула, а наутро сдалась.

Настя не знала, что послужило главным аргументом для их решения, скорее всего, необходимость самого решения. Мать полагалась на отца, дав ему понять, что он в доме хозяин, и он здесь все может решать. А отец, в очередной раз примерив на себя эту роль, не захотел с нею расставаться.

Что-либо расспрашивать у матери Настя не решалась — женщина она была неразговорчивая и замкнутая. А отец и вовсе, случалось, бывал суров — попадись ему под горячую руку, несдобровать. Уже тогда, в десятилетнем возрасте, Настя хорошо усвоила, что распросами родителей лучше не донимать — что надо, скажут, что надо — дадут. А слова... Что слова? Какой в них прок...

После больницы мать стала занозистой и высокомерной. Она окончательно поняла простую вещь: если мужчина не хочет ребенка от женщины, значит, это не та женщина или не тот мужчина. Мать полностью ушла в свои книжки и находила себе работу даже там, где ее и быть не должно.

А к осени произошли два грустных события — ушел из дома отец, и сильно заболела сама Настя.

Отец ушел просто так, в никуда — поселился в городе, в мужском общежитии. А вечером, накануне его ухода, Настя стала свидетелем странного разговора.

— Сама дотянула, и что теперь? — сердился отец.

— А что теперь? Как было раньше, так и теперь, — отвечала мать.

Позже Настя узнала от теток, что ребенок тот, материн сынок, ро-

дился живым, потому что порешили его на поздних сроках. Мальчика намеревались даже выхаживать, но, прожив несколько часов, он навсегда затих, почему-то со счастливой улыбкой на лице. Медсестер и врачей, которые над ним колдовали, более всего удивила эта улыбка — ведь не должен же нежеланный младенец, которого по времени и на земле еще быть не должно, так счастливо и светло улыбаться?

Говорили еще, что молоденькая медсестра, которая проплакала над ним всю ночь, чуть было сама не угодила в больницу. А утром пришел умный врач и объяснил ей, неопытной и глупой, что, скорее всего, это была не улыбка, а спазмы лица...

Когда Настя заболела, у нее подозревали воспаление легких. В горячем бреду ей виделись сахарные горы, о которые бился, потеряв управление, такой же сахарный самолет. Возвращаясь из бредового тумана, Настя просила пить, а потом, окунувшись в сон-забытье, снова видела горы сахара, как снег сверкающие на солнце.

Когда коварное солнце решилось подвинуться к горизонту и, вспыхнув в последний раз, осветило вершину горы, Настя заметила там маленького светловолосого мальчика в своей старой цигейковой шубе.

— Ты кто? — спросила она малыша.

— Я Сережа, твой брат.

— А зачем ты там стоишь?

— Я здесь живу, — ответил маленький незнакомец.

Настя собралась было в путь на сахарную гору, но та вдруг превратилась в огромную стрекозу, и девочка от неожиданности проснулась.

Вскочив с кровати, Настя бегом побежала на кухню, где мать готовила немудреный обед.

— Mam, а где моя старая шуба?

— Выбросить пришлось, ее моль поточила. А что произошло? — всполошилась мать.

— Да ничего. Так. Может, она теперь кому пригодится...

— Кому она может пригодиться — одни дыры кругом?

— Ну, кому-нибудь там, на сахарной горе.

Мать отвела Настю в спальню, налила ей горячий чай и уложила в постель.

Больше к разговору о шубе они не возвращались.

Настя знала: когда родители ждали первенца, то думали, что будет сын. И даже имя ему придумали — Сережа. Но родилась она, Настя. Так Настя начала жить вместо брата первый раз. А потом и во второй, когда не смогла отстоять его жизнь.

Правда, Настя точно не знала, как тогда, в десять лет, она отнеслась бы к известию, что, возможно, в их семье появится малыш. Скорее всего, не очень радостно. И даже дело не в том, что все маленькие — крикливые и непоседливые. Дело в другом. Зачем нужен еще один свидетель их и без того не слишком ладного житья? Но это тогда, а потом...

Уже намного позже, поступив в институт в чужом городе, Настя случайно прочитала письмо своей подруги, небрежно брошенное на столе. Она совсем не хотела читать чужое письмо, но, зацепившись взглядом за какие-то теплые строчки, уже не смогла оторваться от тетрадного листа. И не было в том письме из далекой деревни ничего особенного — так, немного про погоду и самочувствие. Немного — про поросенка, которого недолг век. А когда зарежут того и продадут, вышлют подруге сто рублей на пальто.

Было в тех простых словах столько теплоты и родительского участия, что Настя невольно смахнула слезу. И только тогда она поняла простую и обыденную вещь: родные и близкие должны находить друг для друга слова. И вовсе неважно, о чем они говорят. Все, что нужно, будет передано голосом, интонацией, подтверждено внимательным взглядом или прикосновением руки. Это как легкое дуновение ветерка — не тревожит и не беспокоит, но так хорошо, что оно есть.

— Я бы тоже могла написать письмо Сереже, а он в ответ написал бы письмо мне, — подумала Настя тогда. — А когда запечатаешь письмо в конверт, то оставишь там теплоту своих рук.

...После того случая с больницей Сережу в доме не вспоминали. Только десять лет спустя, заболев раком, мать призналась, что это ей — наказание за убиенного сына. Скорее всего, так оно и было, потому что после операции внутри у нее не осталось ничего, что бы составляло ее женскую суть.

Отец помогал семье материально, но назад не возвращался. Наверное, понял, что не так важно, как зовут женщину, с которой ты близок и с которой живешь. Гораздо печальнее, что ты отдал ей немного себя самого, а потом передумал и забрал обратно.

Самой Насте была уготована долгая и счастливая жизнь. Всего у нее было в достатке: любящий муж, хорошие дети, уют в доме и тепло. И попадались на пути ее люди все больше хорошие, будто добрый ангел помогал и подсказывал — как поступить, кого выбрать в товарищи или друзья. А если и возникали в жизни Насти некоторые трудности, то чувствовала она рядом чье-то участливое внимание и даже, как ей казалось, озабоченное сопение.

Или, может быть, ангелы не сопят? Они ведь как облака.

Что скажешь на это, брат?

Что скажешь, Сережа?..

ВАЛЕРИК

1

Алина познакомилась со своим будущим мужем в беспечные студенческие годы. Он был физиком, она — лириком (училась на филологическом), и все у них сладилось быстро и основательно.

После окончания университета мужа оставили на кафедре — перспективный ученый, а Алина поступила на работу в издательство. Все шло по заранее намеченному плану, но потом родился он — Валерик.

Лежавшая в общей палате с другими родильницами Алина очень удивилась, что во время всеобщего кормления, когда порозовевшие от выпитого чая со сгущенным молоком молодые мамы разбирали своих малышей, ее ребенка не принесли. Едва отошедшая от родовых схваток и еле передвигающаяся по больничной палате Алина сначала подумала, что его принесут позже и кто-то очень добрый и заботливый дал ей время передохнуть, но и в очередное кормление про ее ребенка почему-то опять забыли.

Наконец, на утро следующего дня в палате появилась заспанная нянечка и объявила, что Алину вызывают к главному (имелось в виду к главному врачу).

Главный врач оказался средних лет дамой, которая без обиняков, с ходу, обращаясь к Алине, сказала:

— Отказную будете писать?

— Какую отказную? — не поняла молодая мать.

— На ребенка отказную, — из-за непонятливости собеседницы дама начала сердиться.

— Зачем отказную? Мы его любим... — недопонимала Алина. — Мы его ждали...

— Дело в том, что ребеночек у вас — непростой. Про синдром Дауна слышали?

О синдроме Дауна Алина имела очень поверхностное представление, поэтому решила уточнить:

— Это болезнь?

— Ну как вам сказать... Считается, что хромосомная мутация. Но инвалидность дают, — уточнила дама.

Алина почувствовала себя не только обиженной, но и оскорбленной.

— Все равно не будем писать, — резко ответила она, давая понять, что разговор подошел к концу. И потом почему-то добавила: «Я не буду...»

— Ну, смотрите, дело ваше. Другие пишут, — достаточно безразлично сказала напоследок дама.

Получив безрадостное известие, Алина долго лежала на больничной кровати, отвернувшись к стене, пока участливая медсестра не принесла ей успокоительного. Мысли ее никак не собирались в кучу, они разбредались по сознанию, и каждая жила сама по себе. Казалось, что ее голову кто-то ошпарил крутым кипятком, а она даже не заметила, когда это случилось.

Алине никого не хотелось видеть и знать: ни радостных молодых мамочек, как куры квохчущих над своими младенцами, ни мужа Евгения, ни даже участливую медсестру, которая то и дело трясла ее за плечо и спрашивала:

— Ты как?

Казалось, что больничная палата вдруг стала уже, ниже, а прежде яркий свет неоновой лампы почти погас.

Уже на следующий день, немного придя в себя, Алина попыталась найти ответ на вопрос: почему это случилось именно с ней, а не с кем-то другим.

«Я никогда не курила и не пила, — думала про себя Алина. — Я никогда не делала аборт и раньше даже участвовала в спортивных соревнованиях. У меня вполне приличный муж — не тунеядец и не алкоголик... Почему тысячи младенцев, которых родители зачинают в пьяном угаре, появляются на свет вполне здоровыми и благополучными, а мой родился таким?»

Не найдя ответа на поставленные вопросы, Алина стала думать о том, как найти выход из сложившейся ситуации.

— Ну, есть же какие-то средства, лекарства, операция, наконец, — убеждала она сама себя. Но когда увидела новорожденного собственными глазами, то поняла, что никакие операции здесь уже не смогут помочь...

Алина хорошо помнила, как и когда это с ней произошло. Любовью они с мужем занимались достаточно часто — были молоды и уже жили в супружеском браке. Нельзя сказать, что всякий раз происходящее между ними было ей приятно, особенно когда муж наваливался всей тушей и

пыхтел как паровоз. Но однажды она поняла, что случилось что-то очень важное. Она даже почувствовала, как нечто живительное — маленький неплотный комок — не растекался внутри нее, как обычно, а за что-то зацепился, потом повис, потом приклеился и замер в выжидательной позиции...

Сначала Алина думала, что ошиблась в своих предчувствиях, и для верности сходила к врачу:

— Поздравляю вас, мамочка, — сказал врач. — У вас второй месяц.

— Я знаю, — ответила Алина, уже давно в этом уверенная. — Это было оно, нечто.

Дежурный доктор не обратил особого внимания на ее слова — разного насмотрелся, но все-таки мимоходом отметил в них некоторую странность.

Потом обрадованный муж отправил Алину на дачу и сказал:

— Поживи пока на природе, там воздух как травяной настой.

Алина и пожила — не учитывая свое интересное положение, подняла корзину с яблоками. И корзина-то была небольшая, но пошла низом кровь, правда, совсем немного.

Из-за неприятного происшествия муж сильно испугался, даже больше, чем сама Алина, а потом категорично заявил:

— Если что — не переживай, мы — люди молодые, и у нас еще будут дети...

В ответ на это Алина даже обиделась — она не хотела других детей, хотела только этого или эту.

К счастью, в тот раз все обошлось — корзины с яблоками Алина больше не поднимала и вела себя более чем благо разумно...

Когда в роддоме объявили, что ребенок — даун, Евгений, Алинин муж, предложил сдать его на попечение государства.

— Ты пойми, даун — от английского слова «down», что буквально означает «вниз», — объяснял он. — Он всегда будет ниже, чем другие, и ты вместе с ним будешь ниже, и я буду ниже. Мы будем ходить по земле и постоянно пригибаться, как будто на нас давит потолок.

— Даун — не от английского слова «down», а от фамилии врача Джона Дауна, и тебе как человеку образованному надлежало бы это знать. А то, что у доктора не слишком удачная фамилия, ребенок не виноват — как известно, родителей и родственников не выбирают.

— Ты на что намекаешь? — с изрядной долей иронии спросил Евгений.

— На что намекаю? На твою досточтимую родню.

Уже после того как родился Валерик, Алина по своим каналам узнала, что с родственниками Евгения было не все так благополучно, как казалось на первый взгляд. Но об этом все предпочитали молчать. Как рассказали Алине, здесь тоже случались, как бы помягче выразиться, генные мутации. К примеру, двоюродная сестра Евгения вышла замуж за своего же двоюродного брата, и в их близкородственной семье родилась абсолютно глухая девочка, осмотрев которую, лучшие профессора развели руками, не имея возможности помочь.

«Ну, там понятно — близкие родственники, не было притока живой крови, — рассуждала Алина, пытаясь объяснить произошедшее. — А мы с Евгением не родственники, и даже по духу не стали родственниками, несмотря на то, что прожили вместе столько лет. Тогда что?»

Иногда Алина даже пыталась себя развеселить.

«Вот если бы у меня был нос картошкой, а у Евгения — оттопыренные уши, то природа, задумывая наше потомство, попыталась бы эти недостатки исправить — произвести нечто без картофельного носа и оттопыренных ушей. А так как этого не потребовалась, природа наградила нас Валериком».

3

Когда Валерик был еще совсем маленьким и лежал в закрытой коляске с поднятым верхом, то особого внимания со стороны окружающих к нему не наблюдалось. Оно и понятно: коляска была плотно прикрыта, и кто там лежит — поди разбери. Но когда Алина посещала с ребенком врача и вытаскивала Валерика из его надежного голубо-клеенчатого убежища на всеобщее обозрение, то невольно ловила на себе и своем сыне то ли удивленные, то ли брезгливые взгляды молодых мамочек, пришедших в поликлинику с более благополучными детьми.

«Наверное, считают, что я всю свою жизнь беспробудно пила, вот и народилось такое чудо», — думала про себя Алина, но что ей очень тяжело и неприятно от этих пристальных взглядов, виду не подавала.

Врачи сказали, что у Валерика — лишняя хромосома: их должно быть 46, а у него 47, то есть на одну больше.

— Ну ведь если чего-то больше, то должно быть лучше, а на поверку почему-то оказалась хуже, — рассуждала Алина. — И кто притянул эту лишнюю хромосому — я или муж?

Алина задумалась.

— Скорее всего, виноват Евгений, когда так отвратительно и старательно пыхтел. Даже хромосоме это не понравилось. Вот она со страху и проскочила.

Алина снова задумалась.

— А ученые? А медицинские светила? — продолжила она свою мысль. — Они все знают, все понимают, а отчего проскакивают лишние хромосомы и как это предотвратить, не имеют ни малейшего понятия. И в этом случае их знания не стоят даже ломаного гроша...

В одной умной книжке Алина прочитала, что раньше «синдром Дауна» называли «синдромом монгола», а самих даунов — «монголоидами» из-за особого строения глаз, характерного для монголоидной расы. Однако представители Монголии сочли это форменным оскорблением и даже обратились во Всемирную организацию здравоохранения с просьбой не употреблять термины «монголоид» и «синдром монгола» в отношении даунов. Как бы там ни было, Алина сделала из этой информации свой собственный вывод: с ее точки зрения, монгольским даунам повезло больше, чем ее сыну Валерику, и если бы Валерик родился в Монголии, было бы менее заметно, что он отличается от других.

Достаточно неприятным моментом для Алины стала регистрация Валерика в загсе и выдача ему свидетельства о рождении. Нет, в выданном документе было все написано правильно — имя, отчество, фамилия: Лоскутов Валерий Евгеньевич, далее — родители, далее — где родился... Но самое неприятное было то, что только в загсе Алина поняла, что наличие имени-отчества у человека — очень важный факт, и обращение к человеку по имени-отчеству — тоже очень важно. Это не только уважение к возрасту, но и своеобразное признание его заслуг... Но самое главное, что она поняла и осознала только сейчас, что

к ее Валерику никто и никогда не будет обращаться по имени-отчеству, если только в насмешку или в качестве издевательства, а это значит, что в загсе им с мужем выдали совсем ненужный, вредный и даже оскорбительный документ.

4

С самим Валериком частенько происходили невероятные чудеса: когда Алина подходила к детской кроватке, чтобы повозиться с ребенком, ей казалось, что он ее узнавал, и на нее смотрели детские глаза. Но стоило ей отойти в сторону и тайком посмотреть на сына, как она видела выражение глаз совершенно взрослого человека.

— Посмотри, какой у него осмысленный взгляд, — обращалась она к мужу. — Будто взрослый на тебя глядит.

— Взрослый? Ты что, издеваешься? — выражал тот недовольство. — В лучшем случае чему этого «взрослого» можно будет научить, так это правильно ходить на горшок. Да и то за счет долготерпения.

— И научу, и многому другому научу, — вскипала Алина.

— Учи-учи, он тебе даже «спасибо» не сможет сказать, — не унимался сердитый муж.

— Можно подумать, что другие дети часто «спасибо» говорят, — произносила Алина уже спокойно, проглотив обиду и куда-то, в свой дальний уголок, успев запрятать надвигающийся было гнев.

Когда наступали поздние вечерние сумерки, Алина брала на руки засыпающего Валерика и, уходя с ним в дальнюю комнату, выключала свет. Ей приятно было наблюдать, как в темнеющем полумраке смазывались черты его монголовидного лица и будто отрастали коротковатые ручки и ножки, а заодно и коротковатые, похожие на маленькие сосиски, пальчики, которыми тоже, сделав свой несправедливый выбор, почему-то наградила его природа. И тогда, только тогда ее Валерик становился таким же, как все...

Алине хотелось, чтобы как можно дольше длились такие минуты, хотелось как можно глубже зарыться в детские пеленки и как сладчайшее амбре вдыхать их кислотоватый запах и запах молока, исходящий от младенца, ощущать мягкое тепло его маленького неокрепшего тельца, а потом одновременно грустить и радоваться. Чему, она не знала сама...

Поймав в очередной раз осмысленный взрослый взгляд Валерика, Алина подумала о странности человеческого бытия.

«По идее, человек от поколения к поколению должен становиться все умнее и умнее, набираясь опыта и знаний, — думала она. — Если сложить свой собственный опыт и знания и прибавить сюда опыт и знания родителей, бабок, дедок и прабабок... Это каким же умным должен быть современный человек!»

Но при ближайшем рассмотрении, по мнению Алины, особой умности в современном человечестве не наблюдалось, да и опытности не наблюдалось тоже — всякий предпочитал наступать на свои собственные грабли, причем на все, которые только попадались на его пути.

— А что если кто-то намеренно не позволяет человечеству приобретать как можно больше разносторонних знаний и периодически обрушивает, как непрочную горную породу, накопленный багаж, чтобы человек не приблизился к чему-то важному, запретному, словом, к тому, чего ему не положено знать? И кто, наконец, намеренно ограничил человеческую интуицию, а также отнял у человека такие важные качества, как способ-

ность к предвидению и предчувствию, как бы в насмешку наградив ими братьев наших меньших, которые все видят, все чувствуют и понимают, однако кроме «мяу» или «гав» ничего не умеют сказать?..

Эта мысль показалась Алине очень интересной.

«И ведь вполне возможно, что все эти важные качества сохранились в Валерике, — подумала Алина, припомнив его умный, достаточно взрослый и осмысленный взгляд. — И в отличие от всех нас он не позволил себя полностью обобрать, а кое-что приберег и утаил. И может быть, даже захочет с кем-нибудь поделиться, но пока еще не решил с кем...»

Даже во времена всеобщего дефицита Алина старалась как можно вкусней и питательней накормить своего Валерика: сама готовила для него мясное пюре, сквашивала творожок, перетирала на мелкой терке овощи и фрукты. Все было с рынка, все — самое лучшее и свежее. Валерик отсутствием аппетита не страдал, наедался до отвала, а потом лежал в кровати как маленький бегемот, поглаживая себя по животу. Но однажды Алина поймала себя на мысли, что намеренно закармливает Валерика. И дело было даже не в том, что ребенок должен хорошо питаться (на то он и ребенок!), а в другом: она подспудно надеялась, что в тех соках, кашках, творожках, которые она ему дает, а перед этим так тщательно готовит, может обнаружиться какой-нибудь волшебный элемент или химическое соединение, или что-нибудь еще, что сможет ее Валерику помочь. Например, ослабит действие гадкой враждебной хромосомы, если не изничтожит ее совсем, или, по крайней мере, смягчит черты его малоприятного монголовидного лица, такого характерного для даунят, или отрастит его недоразвитые коротковатые ручки и ножки, и хоть немного сделает его похожим на тех детей, что играют в песочнице у них под окном. Но такого чудодейственного продукта почему-то не находилось...

«Ну и что, — думала Алина. — Если у моего Валерика не будет в жизни таких же радостей, как у других, пусть он хоть всюлю поест».

И Валерик ел, все больше округляясь и толстая.

5

После рождения Валерика отношения с мужем у Алины окончательно разладились — она начала всячески отлынивать от выполнения супружеских обязанностей. Если это все-таки случалось, то она ловила себя на мысли, что относится к данному явлению одновременно с долей безразличия и определенной безразличности, будто муж втайне задумывал наградить ее какой-нибудь нехорошей болезнью. Иногда ей даже казалось, что то, что он собирался переадресовать ей во время соития, может содержать яд или серную кислоту, или уже содержит нечто, до такой степени омерзительное, протухшее, прокисшее и дурно пахнущее, что может вызывать только рвоту и тошноту.

А еще Алина подумывала о том, что было бы неплохо, если бы муж завел себе любовницу, и то желеобразное, сметаноподобное вещество, которое копилось в нем для встречи с женщиной, он относил бы ей, и не беспокоил Алину. И было бы еще лучше, если бы у этой любовницы родился такой же ребенок, как их Валерик. Во-первых, было бы не так обидно тащить свой тяжелый груз одной, а, во-вторых, Евгений, наконец, понял бы, что причиной безрадостной судьбы их сына, от которого тот хотел так спокойно отказаться, является все-таки он.

Прожив год в ситуации супруга — не супруга, Алинин муж все-таки

сбежал. Причину для ухода он нашел очень вескую: сказал, что ему нужно работать. И действительно, работал: защитил сначала кандидатскую, потом докторскую диссертацию. Правда, накануне своей рокировки истинную причину ухода из семьи он обозначил более ясно:

— Чтобы не видеть и не смотреть...

Сказать, что бывший муж и отец навсегда отделался от Алины и Валерика, было бы несправедливо: он давал деньги на содержание ребенка и иногда звонил — спрашивал, как дела? Имея средства к существованию, Алина смогла позволить себе перейти в издательстве на полставки и выполнять работу на дому, когда Валерик спал или занимал сам себя.

Особые проблемы начались, когда Валерик немного подрос и его нужно было выводить на улицу, чтобы погулять. Алина уже заранее страдала оттого, что ее малыша не примет общество розовощеких карапузов — обычные дети будут его бояться и сторониться. Так и случилось: поначалу Валерика, оказавшегося в компании детей, все долго рассматривали, а вдоволь насмотревшись, сердобольные мамы стали уводить своих чад на детскую площадку в соседний двор или забирали домой. И чада их не возражали.

«Почему они нас так не любят? Ведь мы никому не сделали зла», — думала Алина, пытаясь найти происходящему хоть какое-то объяснение. Все вызывало в ней горькую обиду.

— Я понимаю: маленьких детей тоже наказывают, но их наказывают за реальную вину. Так, абстрактного Васю могут наказать за то, что он побил Диму, а абстрактного Диму — за то, что он ущипнул Машу. Но, выходит, что и ее Валерика тоже наказывают? Жестоко наказывают, наказывают отчуждением и презрением? Но за что? Только за то, что он есть?

Алина почувствовала, как соленые слезы начинают щипать ей глаза.

— Хорошо хоть, что ему самому не дано этого понять...

Иногда Алине хотелось крикнуть особо бдительным мамам и их детям, что ее Валерик даже больше нужен им самим, чем ей, его матери. И нужен он для того, чтобы их, именно их не обошли стороной такие человеческие качества, как милосердие и сострадание, но она почему-то предпочитала молчать.

Но было и другое: Алина понимала, что несмотря на все ее старания и хорошее полноценное питание Валерик не только никогда не сможет стать хорошим учителем или врачом, но даже не научится вытачивать на станке какие-нибудь простые детали или выпекать свежий хлеб, и в этом виновата она. Это она, Алина, так расстаралась, что наградила этот мир балластом, обузой, которая не очень-то нужна тем, кто живет рядом с ней.

Бывало, что Алина даже впадала в крайности. Предаваясь невеселым мыслям, она даже подумывала о том, что если бы вдруг где-нибудь поблизости разгорелся пожар, то она бы первая, не раздумывая, бросилась его тушить, и, может быть, даже кого-то спасла. И тогда бы благодарные спасенные приняли бы ее Валерика как ровню и полюбили бы его, и рассказывали бы другим: «Какая чудесная смелая женщина, и какой замечательный у нее сын!»

Воспитывая Валерика, Алина очень быстро поняла, что ребенок-даун и современная жизнь — явления взаимоисключающие. Чтобы чему-то научить такого сложного ребенка, нужно было приложить массу усилий и обладать исключительным терпением. Еще нужно было разработать

пошаговую инструкцию и приложить к ней уйму объяснений. Кроме этого вместе с подобным ребенком нужно было досконально изучать историю становления человеческих навыков и привычек, например, долго объяснять, для чего нужны шнурки в обуви, почему так важно застегивать пуговицы на пальто и (о, верх совершенства!) для чего служит носовой платок.

Случались с Валериком и «гигиенические» неприятности — высаженный на горшок и оставленный без присмотра на несколько минут, он мог ненароком съесть все то, что сам же туда и наложил.

Несмотря на все свои старания, Алина довольно часто замечала, что между ней и Валериком существует непреодолимая стена. Она была прозрачна, стеклянна, почти невидима, но удивительно прочна. А еще эта стена почему-то обладала резонансной гулкостью, будто по углам, в каких-то ее тайных ходах, в схоронках были установлены голосники. И, наверное, именно поэтому слова, которые Алина говорила Валерику, подобно волейбольному мячу, ударившемуся о прочную сетку, с гулкостью возвращались назад, оставленные без ответа и даже безо всякого внимания.

Еще Алина очень хотела, чтобы Валерик называл ее мамой, но он упорно ничего не говорил и никак ее не называл. Алине иногда казалось, что он таким образом снимает с нее ответственность и не хочет лишний раз подчеркивать, что это она, Алина, собрав воедино все свои силы, напрягши все свое естество, произведя внутри себя различные физические, химические, психофизические и эмоциональные реакции и превращения, явила миру нечто, в чем этот мир не особо-то и нуждался.

И как теперь поступать этому миру? Осуждать — нельзя, благодарить — не за что, поддерживать — не всегда получается, если только тихо сочувствовать и понимать, что она, бедная мать, сама не ожидала такого исхода событий.

Когда Алина выбирала для сына имя, ей хотелось подобрать что-нибудь ласковое и нетривиальное, чтобы было приемлемо в быту. Подбирала-примеряла разные имена, но остановилась на одном — Валерик.

Вообще-то, с этим именем у нее была связана целая история, произошедшая еще в студенческие годы. Когда по литературе они проходили творчество Лермонтова и преподаватель выдал задание прочитать стихотворенье «Валерик», Алина сначала подумала, что произведение посвящено какому-то юноше, подобному Мцыри. Но при более подробном рассмотрении оказалось, что посвящается оно не юноше, а девушке, вернее — женщине, а Валерик — это вообще река, причем удареение делается не на втором слогe, как в уменьшительном мужском имени, а на последнем.

Несмотря на неожиданное открытие, мягкое очарование уменьшительного мужского имени еще в то время произвело на Алину сильное впечатление, и она решила дать это имя своему маленькому особенно-му сыну.

А еще Алина помнила, что в том стихотворении была одна замечательная строка: «Под небом места много всем...»

— Какая великая мысль!.. — отметила вдохновленная Алина. Ей так хотелось, чтобы под небом нашлось место и для ее Валерика.

А в общем-то ее Валерик был веселым парнем. Он постоянно улыбался и радовался чему-то, понятному только ему самому. Он будто благодарил кого-то неизвестного за то, что ему все-таки позволили занять маленькое жизненное пространство, перекачивать своими не совсем здоровыми

легкими драгоценный воздух, перемалывать в своем желудке выращенную кем-то растительную и животную пищу, а главное — питать свое тело чистой водой из ближайшего родника. А это значит — жить...

Алина часто задумывалась о будущем Валерика. Она понимала, что это смешно, но также понимала и то, что сама она — не вечна. Поэтому нужно будет сделать так, чтобы Валерик освоил хотя бы какую-нибудь профессию. А что? Например, профессию переплетчика.

Согласитесь, хорошее занятие — переплетать книги и прикоснуться хотя бы руками к тому, что тебе не дано понять умом. Как это здорово: ровно сложить листы, приспособить сверху и снизу по картонке, а потом приклеить их и приладить переплет... Тогда если не глаза и уши, то хотя бы руки, насколько это только возможно, помогут проникнуть в некоторые тайны человеческого бытия, озаботиться людскими хлопотами, соотнести с величием человеческого духа, познакомиться с неизвестными, но одержимыми героями...

И вдруг как бы совершенно случайно помогут понять, что и твое появление в этом мире было тоже совсем не случайным.

КАРЛСОН

Сашка Артюхин был карликом. Вернее в его медицинской карте было написано, что страдает он соматотропной недостаточностью и что у него гипофизарный нанизм. Сашке было все равно, что у него было написано в медкарте, выше ростом он не становился, а нанизм вообще воспринимал как нечто неприличное — с его точки зрения ученые могли хотя бы заболеванию другое название дать, чтобы людей, и без того жизнью обделенных, вконец не обидеть.

Может быть, именно по причине гипофизарного нанизма у Сашки и не заладились отношения с матерью — он подозревал, что приключилась с ним такая беда из-за ее самодеятельности, допущенной по молодости лет и неопытности. От старых бабок он слышал о том, на какие только ухищрения не идут молодухи, попавшие в неловкое положение и желающие отбелить репутацию: и йод они пьют, и лекарства вредные глотают, чтобы незапланированного ребеночка вытравить. Занималась ли этим его мать, Сашка точно не знал, но если учесть тот факт, что отец решил на ней жениться, когда сам Сашка уже был на подходе, было это очень даже возможным.

Иногда Сашка даже пытался припомнить, как больно и неудобно ему жилось, когда он еще находился внутри, у матери в утробе, но ничего подобного почему-то не вспоминалось.

Сам Сашка говорил всем, что родился абсолютно здоровым, но когда на его глазах лесоруба-отца придавило деревом, он так испугался, что перестал расти. Знакомые делали вид, что верят Сашке, тем более, что произошел тот случай с отцом совсем в другом месте, в другом лесном поселке, где Сашкины родители жили раньше. А было это очень давно.

Теперь Сашкина мать работала в новом леспромхозе. Не то, чтобы она была большим специалистом в лесных делах, просто после гибели мужа и их с Сашкой семейного переезда на новое место жительства ей неожиданно предложили должность учетчицы, чему она была несказанно рада.

В поселке при леспромхозе, где Сашка теперь жил, к нему накрепко прилепилась кличка Карлсон. Если рассудить, то вполне щадящая для его положения кличка: Карлсон, как известно, тоже был человеком невеликого роста, но при этом редко грустил, а тем более впадал в отчаяние.

Если честно признаться, то в начале жизненного пути Сашке-Карлсону тоже не особенно доводилось грустить и отчаиваться — несмотря на физиологические особенности, он был очень подвижный и прыгучий, и неплохо играл в футбол, за что сверстники его не только уважали, но и постоянно выбирали капитаном дворовой футбольной команды.

Видимо, из-за этого увлечения Сашке иногда снились очень важные, радужные сны, в ходе просмотра которых у него вдруг отрастали до нормальных руки и ноги, а сам он превращался в профессионального футболиста, которому с трибун слали горячие поцелуи самые красивые девушки Земли. И было так обидно, когда как раз в разгар сна мать начинала его сердито трясти за плечо: мол, вставай, Сашка, дела!

Дел по дому и в огороде находилось немало, и по мере своих сил Сашка матери помогал, а вот в магазин и в другие людные места ходить не особенно любил — ему всегда казалось, что за его спиной знакомые и даже малознакомые люди шепчутся и пересмеиваются, хотя повода для этого он никому не давал.

Случались в жизни Сашки-Карлсона, конечно же, и различные мелкие неприятности. Например, чтобы купить костюм на школьный выпускной мать повезла его в город, в магазин «Детский мир», из-за чего Сашка боязливо озирался по сторонам, опасаясь встретить кого-то из их поселка. Правда, досадные впечатления от того случая из памяти стерлись быстро — ведь их с матерью поход в детский магазин обошелся без свидетелей, а значит, можно считать, что его не было вообще.

Кстати, костюм в «Детском мире» был прикуплен вполне приличный: в нем Сашка-Карлсон еще долго ездил на учебу в ПТУ, куда его определили после школы учиться на резчика по дереву.

Есть такие профессиональные училища, где молодые инвалиды могут получать различные специальности, например, озеленителя, слесаря-ремонтника, портного и даже бухгалтера. Но Сашка решил учиться на резчика по дереву — собрался возрождать загибающиеся народные промыслы.

Мать долго отговаривала Сашку идти на резчика. Лучше уж обувь починять, ключи делать или неисправные часы ремонтировать.

— А что, сидишь себе в мастерской при теплом калорифере и в ус не дуешь, — рассуждала она. — Обувь-то у людей постоянно рвется. Особенно от тех удобрений, которыми в зимнее время дороги посыпают. Без копейки не останешься...

Сашка понимал, что мать, по сути, права, знал он и то, что со временем приобрел бы сноровку в обувном ремесле — был не безрукий, но только стоило ему представить себя сидящим в крошечной мастерской, полки которой были заставлены старыми стоптанными башмаками, как начинал он ощущать себя таким же старым стоптанным башмаком, который и носить не хотелось, и выбросить жалко.

В училище Сашка-Карлсон, можно сказать, был первым парнем на деревне. Оно и понятно — народ здесь подобрался в основном жизнью сильно побитый — у кого с руками проблемы, у кого с ногами, у кого, и того хуже, с головой... А у Сашки на общем фоне было вроде как все в порядке — подумашь, руки-ноги коротковаты. Разве это беда? А вот с дальнейшим трудоустройством ему не повезло — в резчиках по дереву никто особенно не нуждался, хотя поначалу перспективы рисовались очень даже радужные.

Еще когда Сашка учился в ПТУ, директор леспромхоза, где работала мать, его привечал.

— Вот отучишься, — говорил он, — откроем под тебя при леспромхозе художественный цех. Хоть кукол строгай, хоть Буратин, главное, чтобы кругляши, которые после распиловки остаются, в дело пошли.

Кругляши, оставшиеся от распиловки, не так сильно заботили директора леспромхоза. Более всего его заботил тот факт, что по закону обязан был он на своем предприятии трудоустроить нескольких инвалидов. А где их найдешь, этих инвалидов, если все люди в поселке наперечет. Как раз по этой причине он более всего и привечал Карлсона.

Но ко времени Сашкиного выпуска из ПТУ грянула перестройка, и об открытии нового художественного цеха речь уже не шла, речь шла о закрытии самого леспромхоза. Тут еще на беду подоспели «зеленые» — начали проводить митинги по поводу прекращения вырубок лесных насаждений и в защиту какого-то лесного пояса. Создавалось такое впечатление, что весь лесной пояс сосредотачивался в их маленьком лесном поселке, а в самых злодейских и коварных лесных вырубках был повинен дышащий на ладан леспромхоз, где работала Сашкина мать.

— Говорила тебе — иди на обувщика, — запоздало корила она Сашку. — И сам бы без копейки не сидел, и мне бы, теперь безработной, с голоду помереть не дал. А теперь что?

Что теперь, Сашка-Карлсон не знал. Спрашивал у знакомых ребят, нет ли какой работенки. Те в ответ только смеялись — сами были на мели, кормились на пенсии родителей или стариков.

И вот однажды вконец отчаявшийся Сашка случайно встретил у местного сельмага того самого директора леспромхоза, который когда-то намеревался открыть художественный цех. Хотел было пройти мимо, но тот его остановил.

— Пойдешь кочегаром к нам в котельную? — спросил он примирительно. — Но ты не думай, это временно, до лучших времен.

Видимо, директор на лучшие времена все-таки еще надеялся, а вот Сашка, в отличие от него, на них не надеялся вообще, поэтому кочегаром работать сразу согласился и считал, что ему еще крупно повезло.

Работа в котельной была не из легких — топили дровами, не аккуратными поленьями, а огромными, чуть ли не по полтора метра бревнами, которые Сашка исправно возил на старой скрипучей тележке. Поначалу уламывался так, что после смены не находил в себе сил даже поесть — сразу заваливался спать. Потом постепенно втянулся, приноровился — от работы уже не так сильно ломило спину, и не тряслись с непривычки колени.

Иногда в котельную на огонек заглядывали знакомые ребята, чаще, чтобы погреться и попить в тепле пивка. Сашка пиво с ними не пил — все-таки на работе, но знакомых привечал.

Больше всего Сашка-Карлсон радовался, когда вместе с ребятами в котельную приходила Инка.

Инка была девушка с туманным прошлым, но на мир она смотрела такими невинными и лучистыми глазами, что казалось, что только вчера она дала себе зарок со следующего понедельника начать новую вполне порядочную жизнь. Но проходил один понедельник, потом другой, третий, а ее порядочная жизнь почему-то так и не начиналась.

Инка поглядывала на Карлсона с явным интересом, и он тоже своих симпатий не скрывал.

В первый раз с ними это произошло на старом топчане, который кочегары втайне от начальства установили в дальней кладовой, предназна-

ченной для хранения инвентаря. Сашка не был девственником — продажную любовь он несколько раз покупал в большом городе, но так хорошо, как с Инкой, ему еще не было никогда.

Инка тоже была довольна: на его ласки она отвечала нежностью и податливостью, а на прощанье крепко целовала в губы и добавляла: «Ну, ты даешь!..»

— А что, женюсь, если согласится, — неожиданно для себя решил Сашка после одной из встреч. — Пусть говорят, что она такая... Как-нибудь устаканится...

Инка приходила еще раза три, а потом куда-то пропала. И Сашка заскучал.

Перед очередной рабочей сменой он решил зайти к Инке домой, узнать, как дела, но по дороге неожиданно встретился с ее братом, который неуверенной походкой плелся из сельмага.

— Инка где? — нерешительно спросил у него Сашка.

— Зачем она тебе? — последовал вопрос на вопрос.

— Так, увидеться.

— То, что хотела, она уже увидела.

— И что увидела? — Сашка невольно напрягся.

— Увидела, как у вас, карликов, там... Как у всех нормальных мужиков или по-другому?

— Ну и как?

— Говорит, что ничего, так же, как и у других.

— И кому говорит?

— Да всем...

Сашка понимал, что человек не в себе и, протрезвев, вряд ли подтвердит свои слова, но был так потрясен услышанным, что не знал, куда бежать и что делать.

Еще Сашка думал о том, что если один человек позволяет другому очутиться внутри себя, то он его, этого человека, по крайней мере, уважает... А здесь? Как здесь?

Настроение было до того отвратительным, что Сашка даже не заметил, как ноги сами принесли его к дому Маши-самогонщицы. У нее он взял бутылку свеже сваренного зелья, но полностью расплатиться не смог — денег не хватало. Спасло только то, что Маша давала в долг.

Самогонку Сашка выпил почти сразу, только перешагнув порог котельной. Сначала зелье его не забрало, и он успел натаскать дров для топки, но потом вдруг неожиданно вырубился, едва добравшись до заветного топчана...

А ночью случилось ЧП — взорвался один из котлов: Сашка забыл долить в него воды.

Прибывший на разборку ЧП начальник местного ЖКХ Завгородний объявил Сашке, что больше он у них не работает, а вот кругленькую сумму за взорванный котел ему все-таки придется заплатить, а если не заплатит, арестуют имущество.

Собственного имущества у Сашки-Карлсона не было, но ведь приставы, если хорошо присмотрятся, могут наложить арест и на крошечную материну квартирку, которую та получила от производства и разными хитрыми путями успела приватизировать. Эта мысль, как заноза, более всего угнетала Сашку, тем более, что начальник ЖКХ Завгородний постоянно подчеркивал, что закон у них в поселке только один — это он сам.

Потом односельчане поговаривали, что Сашка выклянчил у матери

последние деньги и долго бегал по юристам и адвокатам, но те в один голос твердили, что за испорченное коммунальное имущество все-таки придется заплатить. А случайно оказавшаяся в той же юридической консультации, что и Сашка-Карлсон, Маша-самогонщица потом рассказывала о подслушанном разговоре. Правда, при этом она честно признавалась, что часть слов не разобрала, хотя ухо к двери прикладывала исправно.

— А что, если... — спрашивал у юриста Сашка.

— Тогда нет, — вроде бы ответил юрист.

...Сашку нашли повешенным все в той же котельной, где он до поры до времени добросовестно трудился. Говорят, что проник он туда в пере-сменок, когда один кочегар уже ушел с работы, а другой задерживался по причине необходимости в опохмеле.

Свой смертный крюк Сашка-Карлсон приладил под самым потолком в дальней кладовой, предназначенной для хранения инвентаря. Когда он успел это сделать, остается загадкой. Еще поселковые долго гадали, как Карлсон смог так высоко забраться, несмотря на свой малый рост...

Внизу, как раз под крюком, стоял тот самый топчан, на котором еще совсем недавно Карлсон и Инка так страстно любили друг друга.